

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)17/18+316.343.32-055.2
DOI 10.26456/vthistory/2025.4.005–019

Женская семейная память как предмет социальной антропологии повседневности¹

А.В. Белова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

Статья посвящена проблеме женской семейной памяти как предмету исследования социальной антропологии повседневности. Основное внимание уделено выявлению вклада женской семейной памяти в кинкипинг в дворянских семьях в XIX в. Автором уточняются понятия женской автобиографической, семейной и социальной памяти, традиционный характер женской дворянской повседневности, значение источников по истории женской семейной памяти. Рассматриваются вопросы о соотношении практик меморизации и социального опыта женщин, памяти и забвения в женском автобиографическом нарративе, презентации дворянской повседневности в женской семейной памяти. Выясняются возможности этнологического изучения женской семейной памяти, перспективы ее концептуализации для исследований социальная антропология женской повседневности. Автор приходит к выводу о функциональной связи вопросов антропологии памяти и изучения гендерных аспектов социального опыта.

Ключевые слова: женская семейная память, исследования семейной памяти, кинкипинг, женская социальная память, женская автобиографическая память, гендерные особенности памяти, женская история, социальная антропология, женская повседневность.

Антропология женской семейной памяти – новая дисциплинарная область в социальной антропологии повседневности. Трансляция женщинами наиболее значимого социального и культурного опыта сообщества обусловлена их традиционной ролью в воспроизведстве поколений, социализации и инкультурации, организации повседневного пространства семейного бытowego уклада. Ключевые задачи самоорганизации сообщества в качестве важнейшего механизма включали сохранение этнокультурной памяти, масштабируемой на уровне семейных групп до фреймов семейной памяти.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия» (№ 24-18-00212).

В современных обществах выявлена особая функция по поддержанию родственных связей и семейных традиций, для обозначения которой существует специальный термин – кинкипинг (*kinkeeping*) («сохранение родства»). Кинкипинг считается важной эмоциональной и организационной работой и существенным вкладом в сохранение целостности семейной группы и материализацию семейной памяти. Как показывают современные демографические и социологические исследования, эта функция, как правило, либо возлагается на женщин, либо они по умолчанию добровольно принимают ее на себя². При этом кинкипинг – настолько време- и энерго- затратная деятельность, далеко не всегда приносящая личный эмоциональный фидбэк исполнительницам, что это позволило назвать её «ещё одной работой для женщин»³. Объявленный в апреле 2024 г. онлайн-словарем Dictionary словом дня термин «*kinkeeping*» стал достоянием массовой культуры после того, как видео об этом явлении завирусились в TikTok и появились публикации в СМИ, в т. ч. русскоязычных⁴. Стоит отметить, что речь идёт в данном случае не о хорошо известном антропологам традиционном для женщин домашнем труде, включавшем неоплачиваемую работу по дому, уход за детьми, содержание родственников и заботу о них, а о труде, связанном с укреплением семейных связей, включая организацию общесемейных мероприятий, встреч и выездов, празднование дней рождения или иных ритуалов, отправку подарков, приготовление традиционных праздничных блюд для семейных посиделок, распространение новостей, телефонные звонки, написание писем, посещения и визиты, уход за немощными членами семьи или оказание экономической помощи, представление семьи и др. Термин «*kinkeeping*» введён в науку в 1985 г. социологом К. Дж. Розенталь⁵, которая концептуализировала его как важный, но менее часто изучаемый аспект разделения домашнего труда⁶.

Кинкипинг как усилия по поддержанию связей между членами семьи характерен не только для современных, но и в ещё большей степени для традиционных обществ, в которых родственная и семейная консолидация обеспечивали структурные элементы самоорганизации сообществ.

² Hornstra M., Ivanova K. Kinkeeping Across Families: The Central Role of Mothers and Stepmothers in the Facilitation of Adult Intergenerational Ties // Sex Roles. 2023. Vol. 88. P. 367–382.

³ Иванова Д. Ещё одна работа для женщин: что такое кинкипинг и как он помогает сохранить семью // Forbes Woman. 25.06.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/515431-ese-odna-rabota-dla-zensin-cto-takoe-kinkiping-i-kak-on-pomogaet-sohranit-sem-u> (дата обращения: 25.08.2025).

⁴ Иванова Д. Указ. соч.; Кагая Я. Кинкипинг: необходимость или эксплуатация // Альманах «Наследие». 03.07.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://nasledie.digital/articles/kinkiping-neobhodimost-ili-ekspluatatsiya/> (дата обращения: 25.09.2025).

⁵ Rosenthal C.J. Kinkeeping in the familial division of labor // Journal of Marriage and Family. 1985. Vol. 47(4). P. 965–974.

⁶ Hornstra M., Ivanova K. Op. cit.

Цель статьи – выявить вклад женской семейной памяти в кинкипинг в дворянских семьях в XIX в. При объективной невозможности проведения опросов субъективные источники – мемуары, воспоминания, записи устных историй, автодокументальные нарративы, принадлежавшие образованым женщинам, – служат одновременно документальной базой по истории женской социальной памяти и практик женской повседневности. Выявление на основе их изучения исторического содержания, функционального предназначения и роли женской семейной памяти в аккумулировании ключевых составляющих развития семьи выступает фундаментальной исследовательской задачей.

Изучение памяти в социальной антропологии повседневности. Современные *memory studies* – динамично развивающееся в начале XXI в. междисциплинарное поле, воплощающее новые подходы как в историографии, так и в антропологическом знании. Эвристический потенциал женской автобиографической, семейной и социальной памяти делает целесообразным её исследование в контексте истории женщин и социальной антропологии женской повседневности (См.: Белова А.В. Женская социальная память: интеграция гендерной антропологии и антропологии памяти // Вестник антропологии. 2019. № 3 (47). С. 39–51). Профессор когнитивной нейронауки Лондонского университета Э. Магуайр усматривает связь «автобиографических воспоминаний о личном прошлом людей и их способности представлять фиктивные и будущие сцены и события»⁷, т. е. считает предназначением памяти проецирование человека в будущее. Выбор оптимального образа действия из точки будущего становится обусловленным содержательными и структурными аспектами автобиографической и социальной памяти личности, что придает ее изучению особую научную значимость. В этой связи миссия женской семейной памяти сводится к запечатлеванию и межпоколенческой трансляции pragматически и символически значимых паттернов поведения и эмоциональных реакций, поддержанию целостности группы для выработки сопричастности к ней и последующей самоидентификации представителей будущих поколений, рефлексии и учёту личного и коллективного опыта, который в будущем может иметь существенное значение.

Если конструкторами доминирующей национальной «исторической памяти» выступали мужчины-историографы, то женщины становились носительницами альтернативной социальной памяти. Поэтому важно понять, каким образом данный вид памяти участвует в конструировании национальной идентичности, насколько гендерная дифференциация существенна для интерпретации общенационального исторического нарратива. Это приобретает особое значение в контексте существующего в историографии различия соци-

---

⁷ Hassabis D., Maguire E. The construction system of the brain // Philosophical Transactions of the Royal Society B. Biological Sciences. 2009. Vol. 364, Issue 1521. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fil.ion.ucl.ac.uk/Maguire/> (дата обращения: 25.09.2025).

альной памяти как продукта общественного воображения и профессионально написанной истории как результата деятельности ученых⁸.

Проблема меморизации культуры и социального опыта сообщества имеет ключевое значение в сохранении национального самосознания, нациестроительстве, укреплении фундаментальных основ государственности и упрочении принципов цивилизационной модели. В частности, основы российской государственности исторически формировались в условиях родовой памяти поколений, приоритета семейной организации, широкого взаимодействия и тесного сотрудничества не только общинных объединений, но и разнообразных с возрастной, гендерной, этнической точек зрения общественных когорт.

Для российской цивилизационной модели характерно как наличие сильной общины, патриархальной большой семьи, так и высокая степень женского участия в общественно-политических и частно-правовых процессах, которое усиливалось от средневековья к новому и новейшему времени. Исторически женщины выступали не только субъектами воспроизводства человеческого капитала, представлявшего один из возобновляемых ресурсов российской государственности, но и носительницами «ментального капитала» нации, целью поддержания которого следует считать жизнеспособность общества как социальной системы и сохранение его этнокультурной специфики. Имеются в виду представительницы не только традиционных групп с бесписьменной передачей опыта, но и образованных дворянских слоев, структурно определяемых замкнутой родовой организацией и традиционным семейным этосом.

Женская семейная память как проблема исследования. Концепт женской семейной памяти определяет одно из актуальных направлений в современной исторической науке. Исследования семейной памяти (*family memory studies*) – перспективная область в изучении памяти на стыке с нарративными исследованиями – обращены к семейным воспоминаниям как ресурсу в самых разных условиях, касающихся индивидуальной и коллективной идентичности, национальных воспоминаний, процессов передачи данных из поколения в поколение, а также миграционных, транснациональных и диаспорических исследований⁹. Значение семейной памяти как аналитического инструмента и исследовательской концепции связано с выявлением ее роли в передаче социальных и политических ценностей из поколения в поколение. Исследования женской семейной памяти изучают исторический опыт женских нарративов в формировании и трансляции личных и коллективных представлений прошлого, стратегий запоминания и забывания, соотношения моделей повествовательной коммуникации и социальной практики (См.: Белова А.В. «За честь сестры»: история несосто-

⁸ Шнирельман В.А. Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., 2018. С. 14.

⁹ Family Memory: Practices, Transmissions and Uses in a Global Perspective / Ed. by R. Švaříčková Slabáková. Abingdon, 2021.

явшейся помолвки как эпизод женской семейной памяти в России середины XIX века // Новое литературное обозрение. 2024. № 1. С. 53–68).

В российском дворянском сообществе XIX в. семейная память воплощалась в женском нарративе. На это указывают не только частные и семейные архивы, но и литературные свидетельства, например документальная повесть «Старина. Семейная память» Н.С. Кохановской, упоминавшей в качестве «источников» своих «сведений» рассказы матери, тетушки, «бабки с материнской стороны», «бабки с отцовой стороны»¹⁰.

Женщины, выступая хранительницами и трансляторами традиционного дворянского этоса, воспроизводили его, помимо прочего, через механизмы семейной памяти. Важное замечание сделано М. Игнатьевым, канадским историком и писателем русского происхождения, потомком древних дворянских родов Мещерских и Игнатьевых: «в прошлом реально лишь то, что сохранилось в памяти живущих людей»¹¹. Поскольку в дворянской повседневности, по его словам, «весь уклад жизни определялся нормами семейного этикета»¹², прошлое дворянства сохранялось как семейная память. Но возникает вопрос: почему именно женская? Обратившись к прошлому своей семьи в XIX в. «как историк», «абстрагировавшись от родственных связей и рассмотрев их лишь как исторических персонажей, как объекты исторического изучения», М. Игнатьев сравнил воспоминания бабушки, названные им «искренним и правдивым отражением её собственной натуры», отмеченные «эмоциональной достоверностью», и деда, охарактеризованные «рассказом о карьере», «чём-то вроде официального отчёта», в котором тот «обошёл всё личное»¹³. По его мнению, отсутствие личного и эмоционального аспектов мужских воспоминаний обесценивало и их событийность, которая сама по себе не являлась уникальной.

Это замечание можно сопоставить со сделанным мною выводом о том, что «в женских письмах реже, чем в мужских, можно встретить упоминания о фактах общественно-политической значимости, принадлежащих событийной истории, а чаще – описания повседневных реалий и личных переживаний» (См.: Белова А.В. Женская дворянская повседневность в контексте гендерно чувствительной социальной истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 2 (8). С. 6). Вокруг женщин концентрировались коммуникативные связи семьи, о чём свидетельствует преобладание женских писем в составе семейной переписки провинциального дворянства. Изучение этих «сетей влияния» представляется существенным для понимания механизмов внутренней консолидации дворянской общности в синхронном срезе. В диахронном же измерении именно женская семейная память обеспечивала преем-

¹⁰ Кохановская Н.С. Старина. Семейная память // Отечественные записки. 1861. № 3 (март). С. 209.

¹¹ Игнатьев М. Русский альбом: Семейная хроника / Пер. с англ. и примеч. А. Вознесенского. СПб., 1996. С. 6.

¹² Там же. С. 9.

¹³ Там же. С. 13.

ственность семейного социума и осознание сопричастности внутрисемейной идентичности.

Женская семейная память реализует себя в нарративах, воспроизвождящих, как правило, наиболее драматические аспекты жизни членов семьи. Автобиографические воспоминания фиксировали отрефлексированные переживания и социальный опыт дворянок в качестве своеобразного резервуара женской семейной памяти. Именно такие ретроспекции, отобранные как наиболее значимые и повторенные публично, стали основой консолидации женской памяти о травматическом жизненном опыте семьи.

Гендерные особенности запоминания и семейной памяти, с одной стороны, выявляли отличия женских жизненных опытов и социальных практик от мужских, вносявших коррективы в структуру традиционных гендерных ожиданий и систему гендерных отношений, с другой – позволяли в ряде случаев переосмыслить имеющийся опыт семейных взаимодействий, играли важную роль в трансформации гендерных идентичностей, прежде всего женской. Личная память, транслируемая в мемуарах женщин, становится системообразующим дискурсом в повседневной жизни семьи, в организации внутрисемейных связей в синхронном и диахронном аспектах и конструировании статусных и властных иерархий.

Изучение гендерных особенностей исторической памяти представляет бесспорный научный интерес для проникновения в механизмы меморизации и выяснения их роли в конструировании нарративной идентичности личности. По прошествии времени дворянки пытались целостно осмыслить прожитые годы, «перебрать в голове пережитое», представить мысленно логику жизненного пути и оценить целесообразность встречавшихся на нем перепитий, даже если воспоминания бабушки интерпретировались внуком как «нечто напоминающее мемуары – поток бессвязных ассоциаций» и «двести пятьдесят страниц беспорядочных записок»¹⁴. Нарративы о собственном прошлом, «пережитые истории», запечатлевшие индивидуальную память о повседневной жизни в контексте происходивших политических и социальных событий, в сочетании с актуальными повседневными заботами и эмоциональными ощущениями не только конструируют идентичность авторов, выявляют характерные для них дискурсы о мире, но и по особому преобразуют общезначимый контент в элементы автобиографической памяти.

При этом автобиографическая память неверифицируема в принципе, и даже память об одном и том же событии может с полным основанием отличаться у разных людей, по-своему его переживших. Возникает ряд вопросов: каким образом происходит отбор событий для запоминания, каковы гендерные особенности меморизации, как работает механизм женской памяти об общественно-политических событиях, породивших в прошлом травматические опыты, существует ли мнемонический ресурс трансформации болезненных жизненных практик в приемлемые воспоминания? Исследование этих вопросов на примере переживания и осмысления истори-

¹⁴ Игнатьев М. Указ. соч. С. 13.

ческих и семейных коллизий позволит выявить новые аспекты соотношения практик меморизации и социального опыта женщин, уточнить функциональное предназначение автобиографических нарративов для трансляции женской социальной памяти.

Память и забвение в женском автобиографическом нарративе. Автобиография предполагает воспроизведение собственной жизненной истории, при этом может иметь расширенное толкование. По одной из версий, «автобиографические произведения имеют множество разновидностей – от глубоко личных записей, делавшихся в течение всей жизни и не всегда предназначавшихся для публикации (в т. ч. письма, дневники, мемуары и воспоминания), до формальной автобиографии»¹⁵. При таком понимании они совпадают с автодокументальными источниками, иначе называемыми источниками личного происхождения, или субъективными источниками как своеобразным дисплеем женской субъективности.

Определение автобиографической памяти включает женский авторский нарратив, выполнивший функцию конструирования идентичности. Женская семейная память фиксирует способы конструирования своей принадлежности к семье, семейной общности.

В процессе написания автобиографии происходит переконструирование собственного прошлого на уровне нарративной идентичности. Рассказанная во всех подробностях история позволяет устраниТЬ негативные аспекты восприятия и травмы. Вместе с тем даёт возможность воссоздать это иначе, чем оно переживалось. Происходит создание мифа о себе через «намеренное словесное искажение запомненного»¹⁶.

Автобиографическая память относится к самовосприятию собственной идентичности и имеет незначительное отношение к достоверности передаваемых событий. Она нацелена на воспроизведение субъективных переживаний автора, ментальную переработку повседневных опытов прошлого с целью не просто перерассказать о нём, а мысленно создать (смоделировать) будущее.

Механизмы бытования и действия автобиографической памяти напоминают отчасти способы функционирования эпической традиции, относимой к проявлениям этнокультурной памяти. Эпос не нацелен на историческую достоверность. Его смысл – посредством воспроизведения значимого социального опыта прошлого обеспечить устойчивое существование сообщества в будущем. Автобиографическая память за счет воссоздания нарратива о прошлом призвана обеспечить устойчивый эмоциональный статус женщины-автора в будущем.

Проблемы, с которыми в определенном возрасте автор-женщина не могла справиться, удается переосмыслить и иначе интерпретировать по прошествии времени. Обращение к воспоминаниям о собственной прожи-

¹⁵ Автобиография // Britannica: Большой иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 2009. С. 8.

¹⁶ Ekman P. Telling lies: clues to deceit in the marketplace, politics, and marriage. N.Y., 1985.

той жизни – это взгляд на себя из «точки будущего». Безвыходная ситуация в прошлом может быть оценена как невозможность взглянуть на себя из «точки будущего». Позднее, когда это «будущее» наступило и прошло, и, миновав статус «настоящего», обрело статус «прошлого», сознание способно обращаться с ним произвольно, переосмыслить в пользу комфортного принятия. Часто, находясь в том, что когда-то было будущим, человек с большим недоумением обращается к образу себя в прошлом, эмоциональному статусу и не понимает, зачем было потрачено определенное количество эмоций и сил на ситуации, которые этого не заслуживали. Но в моменте это было не понятно.

Можно выделить следующие виды автобиографической памяти: инструментальную, экспрессивную (эмоциональную), событийную. Также могут быть выявлены основные функции автобиографической памяти, такие как идентификационная (ресурсная), которая служит ресурсом идентификации себя с родом, семьей, социальной группой; коммуникативная; транслирующая; мифологизирующая; смыслообразующая.

Подлежат различению способы легитимизации женской автобиографической памяти, обеспечивающие право на память, право помнить что-либо, варианты официальной или альтернативной памяти и забвения. Возникает вопрос – в какой исторический момент женщина сама выбирает, что ей помнить, а что забывать? В какой мере женщина признается в сообществе экспертом памяти?

Будучи лишенными доступа к производству символического господства в виде запечатленной реальности, женщины на протяжении веков не могли ни создать, ни легитимизировать собственную версию исторического прошлого. Женская автобиографическая память становится, таким образом, способом обретения исторического измерения бытия женщин, конструирования будущего посредством проявленного прошлого, их собственной версией придания значимости своему социальному опыту, его фиксации и закрепления в структуре символического миропорядка.

Дворянская повседневность в женской семейной памяти. Повседневные привычки и устои российских дворянок подлежат исследованию в контексте анализа их специфического традиционного образа жизни, их жизненных миров, реконструируемых на основе их собственного голоса, исходя из самоописания женских дворянских идентичностей в субъективных источниках, это-документах. Судя по ним, женская повседневность в провинции отличалась плюральностью практик, направленных на кинки-пинг («сохранение родства»): участием в обычаях гостевания для поддержания коммуникации между родственниками, координированием хозяйственной жизни дворянской усадьбы для обеспечения экономического ресурса семьи и управления совместным имуществом, попечением об образовании детей из родственных семей, их общем воспитании для усвоения ими родственных чувств и сохранения их в будущем, следованием требованиям религиозного благочестия в отношении себя и детей (в частности, дочерей), проведением совместно с родственниками религиозных и семейных

праздников, ведением регулярной обширной переписки с представителями семейно-родственного круга.

Значительная доля в каждодневном ресурсе времени уделялась обеспечению родственных взаимодействий в той или иной форме (включая ежедневные приёмы пищи, домашние молебны и церковные службы, периодические встречи представителей родственных семей, семейные обряды и ритуалы), поддержанию социальных контактов между членами многочисленных семей. Именно женщины в устном общении и частной переписке становились обладательницами информации о состоянии здоровья и каждодневной событийности родственников и представителей родственных семей, обменивались ею для оказания необходимой помощи и поддержки. Главное – они обеспечивали символическое единство семейно-родственного сообщества, выражая причастность к нему в устной и письменной коммуникации.

Гендерная специфика провинциальной повседневности в XIX в. была обусловлена фактором неизменного и преобладающего присутствия женщин, позволяющим ассоциировать усадебную повседневность с женским миром. Факт того, что московские дворянские семьи часто были «многодевичими», подметил в своё время ещё князь П.А. Вяземский (1792–1878)¹⁷. Это подтверждается, в частности, духовными завещаниями и распоряжениями, передававшими «законные по праву наследства части»¹⁸ и «наличные деньги»¹⁹, как было, например, в семье княгини Агафоклеи Николаевны Горчаковой, урождённой Бахметевой (1801/02 – не ранее 1883), и князя генерал-адъютанта Михаила Дмитриевича Горчакова (1793–1861), «четырём дочерям...: Варваре, Наталье, Софии и Ольге»²⁰.

В Тверской губернии – провинции, расположенной между Санкт-Петербургом и Москвой, – упомянутое выше наблюдение современника также подтверждается документальными, генеалогическими и эпистолярными свидетельствами²¹. Уже в XVIII в. нередки были случаи, когда в дворянских семьях не просто дочерей было больше, но вообще при выяснении потенциальных наследников недвижимой собственности «сыновей и племянников и внучат родных сыновьих детей... не имелось»²². Симптоматично и щепетильное прописывание подобных ситуаций законодателем²³. У антропологов есть на этот счёт мнение о большей «затратности» мужчин

¹⁷ Вяземский П.А. Московское семейство старого быта // Вяземский П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки / Сост. Н.Г. Охотина; Вступ. ст. и прим. А.Л. Зорина и Н.Г. Охотина. М., 1988. С. 315.

¹⁸ Центральный государственный архив города Москвы, Отдел хранения документов до 1917 года (далее – ЦГА Москвы, ОХД до 1917). Ф. 1845. Оп. 1. Д. 1890. Л. 1 об.

¹⁹ Там же. Л. 2.

²⁰ Там же.

²¹ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 1597. Л. 1 об. – 2, 12 об., 15–15 об., 23 об. и др.

²² Там же. Л. 12 об.

²³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. V. № 2789. П. III.2, III.7; ГАТО. Ф. 103. Д. 2255. Л. 1–8 об.

в сообществе²⁴. Правда, на рубеже XVII–XVIII вв. встречались многодетные дворянские семьи, в которых были, напротив, одни сыновья. Например, в семье помещиков Холмского уезда Анны и Ивана Челищевых было семеро сыновей: Яков, Лука, Иван, Василий, Артемий, Макар, Сергей²⁵.

Наряду с большим количеством дочерей в провинциальных дворянских семьях роль главы зачастую тоже принадлежала женщине. При наличии в семье нескольких поколений – это была старшая женщина: бабушка²⁶, мать²⁷ или старшая сестра²⁸. Мотивацией могли служить разные обстоятельства объективного и субъективного характера, например, отсутствие мужа²⁹ или, при наличии, длительное нахождение его вне дома³⁰, проживание вдали от семьи в связи со служебной занятостью, отсутствие «времени заняться семейственными делами»³¹ или другие особые обстоятельства, в силу которых дворянка могла занимать лидирующую позицию в семье.

Женское главенство, как и мужское, основывалось на обладании недвижимой собственностью и, прежде всего, на возможности самостоятельно (единолично) распоряжаться экономическими ресурсами семьи: «... с присовокуплением доверия любезнейшей сестре нашей Вере Логгиновне и нашего уполномочия как по означенному имению так и по другим округам состоящему... во всем ей поручаем имением нам принадлежащим разпоряжать...», – писали в верящем письме на имя старшей сестры дворяне Вышневолоцкого уезда Тверской губернии полковник Н.Л. Манзей, подпоручики И.Л. и А.Л. Манзеи, девица М.Л. Манзей³². Вера Логгиновна Манзей, как старшая среди пятерых сестёр и четверых братьев, стала преемницей матери в качестве главы многочисленной семьи и хранительницы родственных связей дворянского рода, предки которого были выходцами из Шотландии. Не состоя в браке и не имея собственных детей, в отличие от матери и трёх сестёр, она сосредоточилась на поддержании единства родительской семьи, выполнении функций кинкипинга всех Манзеев – братьев, сестёр, племянников, племянниц, живших в Вышневолоцком уезде, Бологом, Москве, Санкт-Петербурге, Царском Селе. Вера Логгиновна унаследовала от матери, Прасковьи Ильиничны, не только право на управление общим именем, но и особую роль в семье – ответственной за поддержание родственных связей. Это находило отклик у других сестер, проявлявших взаимное уважение и эмоциональную привязанность, молитвенное участие и поддержку друг друга³³, стремление к организации встреч в родовом

²⁴ Арутюнов С.А., Рыжакова С.И. Культурная антропология. М., 2004. С. 166.

²⁵ ГАТО. Ф. 103. Д. 1597. Л. 27 об., 33 об.

²⁶ Там же. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 9. Л. 22–23 об.

²⁷ Там же. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 89. Л. 3; Д. 92. Л. 1–1 об.

²⁸ Там же. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–2 об.

²⁹ Тверской государственный объединенный музей – Кашинский филиал. Рукописная коллекция «Кашинское дворянство». КОФ № 6324. Д. 4. Л. 1–1 об.

³⁰ ГАТО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 137. Л. 65 об.

³¹ Там же. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 31; Ф. 1407. Оп. 1. Д. 46. Л. 1 об.

³² Там же. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

³³ Там же. Д. 45. Л. 20 об., 84 об.

имени³⁴, совместное проведение религиозных праздников³⁵, что объединяло представителей дворянского рода Манзей.

Наряду с сосредоточением в руках дворянок хозяйственных функций, ими же организовывались и воспроизводились коммуникативные связи семьи. Именно женские письма преобладали в составе семейной переписки провинциального дворянства. Эпистолярные «сети влияния» были частью кинкипинга и способствовали внутренней консолидации дворянской общности в пределах семейно-родовой группы. Для женщин было характерно установление горизонтальных связей, создание «сети отношений» с многочисленными родными, знакомыми (в т. ч. и заочными), и, вместе с тем, написание писем означало для них постоянно возобновлявшееся переживание собственной субъективности (одновременно и конструирование идентичности). Женские голоса «озвучивают» субъективные восприятия повседневного измерения жизни российских дворянок, их собственные ощущения своего возраста, пола, статуса в семье, осмысление связанных с этим, иногда конфликтующих, предписаний и самооценок.

Изучение традиционных аспектов дворянской культуры способствует решению существенной проблемы ее функционирования на основе сохранения обычаев, традиций и родовых связей. Родовое начало и начало соборности, т. е. представление социальной общности как религиозного единства, относимые обычно к атрибутам народной культуры, в не меньшей степени определяли повседневную жизнь провинциальных дворянок. Наиболее явно это проявлялось в культуре религиозных праздников, в свадебной, родинной и крестильной обрядности. Именно исходя из внутренней родовой, этической природы дворянского сообщества, ядро которого составлял ограниченный круг родовитого («древнего») дворянства, оберегавшего свою замкнутость недопущением мезальянсов, а не из внешней юридической формы его описания как служилого сословия мужчин, обладавших в силу этого рядом привилегий, можно выявить и проанализировать те многообразные роли, которые играли в этом сообществе женщины, их участие в трансляции иrepidуцировании различных жизненных этно- и социокультурных опытов, включая структурирующий, хозяйственный, религиозно-нравственный, коммуникативный, опыт социализации детей обоего пола и др. В совокупности с прочими характеристиками это позволяет интерпретировать дворянскую культуру XIX в. как традиционный тип культуры.

Рефлексия негативных воспитательных практик в дворянских семьях появляется у мемуаристок второй половины XIX в. (А.П. Керн, А.В. Щепкина, А.Г. Достоевская, С.В. Ковалевская), которые, вспоминая собственное детство в первой трети – середине XIX в., не просто сожалели о своих печальных детских опытах, а пытались оценить педагогические стратегии и отношение взрослых как бы с точки зрения распространившегося позднее «помогающего, или эмпатического стиля воспитания детей». Зарожде-

³⁴ ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 84, 84 об.

³⁵ Там же. Л. 35.

ние этого стиля, признающего за ребенком лучшее знание своих потребностей, понимание со стороны родителей вместо повелительности, создание ими благоприятных условий для его эмоционального развития, Л. Демоз усматривает только в середине XX в. Тем не менее мемуаристка А.П. Керн, урожденная Полторацкая (1800–1879), в возрасте 70 лет обращается к событиям и эмоциям своего детства и в качестве осознанно последних своих воспоминаний выбирает запись именно детских впечатлений. Детство оказывалось тем этапом жизненного цикла, о котором она сознательно и добровольно хотела вспомнить и написать, а значит, «оживить» в себе, «прокрутить» назад, «вернуться», «прожить» снова. При этом А.П. Керн прямо противопоставляла «счастливое детство»³⁶ последующему «несчастливому» супружеству, о котором, наоборот, сознательно не желала вспоминать и писать в конце жизни³⁷. Это, в числе прочего, представляет процесс письма для дворянки как своего рода «проживание заново» минувших ситуаций. Прошлое вытесненное, запрятанное глубоко в недрах памяти, – как бы и не прошлое, оно становится таковым, когда о нём написали и вновь «присвоили» порождённые им эмоции.

Подавляющие воспитательные практики были настолько интегрированы в структуру семейной организации, что при негативном к себе отношении воспринимались как обычные, привычные, «законные». Тем не менее дворянки по прошествии многих лет идеализировали детство, что наглядно показывает, как депривированный индивид превращает репрессивные практики в приемлемые. Конструирование в воспоминаниях собственной идентичности возвращало их к началу жизни, к ранним впечатлениям и опытам, в том числе к таким, о которых сами они не могли помнить, но знали по рассказам близких. Переживания детства, даже печальные, играли важную роль в осознании целостности и полноты прожитой жизни и оценивались как «счастливые» именно по отношению к ней. Записывая детские воспоминания как часть истории своей жизни, взрослые женщины с позиции уже иного жизненного опыта пытались «другими» глазами взглянуть на особенно болезненные эмоциональные травмы детства и на этот раз успешно «пережить» их, убеждая себя в том, что тогда они были счастливы.

Женская семейная память как способ принятия собственного индивидуального прошлого. Женская семейная память, фиксируемая в автобиографическом дискурсе, представляет значимый источниковедческий ресурс для изучения не только практик меморизации, но и механизмов переосмыслиния и принятия собственного индивидуального прошлого. Пережитый женщинами жизненный опыт связан и с персональной историей, и с событиями «большого масштаба», в контексте которых разворачивались перипетии их повседневной жизни. В женской автобиографической памяти переплетаются свидетельства как о наиболее влиятельных процес-

³⁶ Керн А.П. Из воспоминаний о моем детстве // Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания о Пушкине / Сост., вступ. ст. и примеч. А.М. Гордина. М., 1987. С. 358.

³⁷ Там же. С. 372.

сах и выдающихся деятелях эпохи, так и об обыденном, привычном, повседневном, определявшем их жизненные условия, сами возможности выживания в непростых исторических обстоятельствах. Изучение проблем женской меморизаций позволяет понять, как происходившие в обществе «большие» изменения отражались на повседневных переживаниях и субъективных опытах отдельных «маленьких людей», какие социальные связи определяли коммуникативный контекст их существования.

Для многих образованных дворянок заключительный «возраст жизни» становился временем воспоминания о прожитом и пережитом³⁸. Ведя диалог с воображаемыми читателями, они отстаивали конструктивные возможности собственной памяти, преодолевая стереотип ее возрастной ограниченности³⁹. Женщинам «третьего возраста» в той или иной степени было присуще ретроспективное мышление: устремленность не «вперед», в будущее, а, наоборот, «назад», в прошлое⁴⁰. Отсюда – нацеленность пожилых дворянок на процесс припоминания событий собственной прожитой жизни как «бегство из унизительной старости», «попытка преодолеть власть настоящего над прошлым»⁴¹. Нежелание образованных дворянок бесследно исчезнуть побуждало многих из них записать свою историю.

Вместе с тем процесс «оживания воспоминаний» соотносится, по словам французского специалиста по аналитической психологии П. Эстрада (*Patrick Estrade*), с «настоящим обретением себя»⁴². Возможно, «обращение в слова» и запись тяжелых переживаний из собственной жизни, плохих воспоминаний, которыми, за редким исключением, «пропитаны» мемуары российских дворянок, было способом избавиться от них, «отложить» их, отодвинув от себя, в то время как хорошие воспоминания, поддерживаемые женской памятью, служили, цитируя того же П. Эстрада, своеобразными «резервуарами счастья»⁴³.

Конструирование текстов воспоминаний на склоне лет как субъективные попытки отстранения пережитой боли и душевных страданий и одновременного прорыва к внутренним источникам счастья свидетельствует о наибольшей востребованности скрытых эмоциональных ресурсов женской личности для нее самой именно в этом возрасте и вместе с тем о наличии достаточного количества разнообразных жизненных опытов, позволявших иначе (менее травматично) осмыслять и истолковывать свое прошлое. При этом нужно иметь в виду, что подлежащие записи и прочтению

³⁸ Хилкова Е.Г. Воспоминание об императрице Марии Феодоровне // Русский архив. 1873. Кн. 2. Вып. 7. Стб. 1121.

³⁹ Смирная Е.-А.В. Данила Яковлевич Земской. Один из птенцов Петра Великого / Со общ. П.В. Лобанов // Русская старина. 1883. Т. 40. № 10. С. 69, 68.

⁴⁰ Сабанеева Е.А. Воспоминание о былом. 1770–1828 гг. // История жизни благородной женщины / Сост., вступ. ст., примеч. В.М. Боковой. М., 1996. С. 335.

⁴¹ Игнатьев М. Указ. соч. С. 36.

⁴² Эстрад П. Зачем нам нужны воспоминания // Psychologies. 2007. № 21. 03.07.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psychologies.ru/articles/zachem-nam-nujnyi-vospominaniya/> (дата обращения: 25.09.2025).

⁴³ Там же.

посторонними воспоминания в любом случае были селективными и могли соотноситься не только с внутренним образом себя, но и с образом, моделируемым для внешнего восприятия⁴⁴. Неутрата к преклонному возрасту не только конструктивных возможностей памяти, а вообще личностных дарований особо подчёркивалась, очевидно, как явление необычное, вызывавшее удивление.

Таким образом, концептуализация женской семейной памяти российского дворянского сообщества расширяет предмет изучения социальной антропологии женской повседневности, позволяет осмыслить современные тенденции этнологического знания, обозначить пространство пересечения ее с антропологией памяти. Женская семейная память играла ключевую роль в кинкипинге, в сохранении родства, поддержании родственных отношений в дворянских семьях в XIX в. Как важнейшее свойство мозга память аккумулирует социальный и культурный опыт сообщества с целью обеспечить его выживаемость в будущем. Гендерная специфика механизмов автобиографической и семейной памяти выступает существенной составляющей функциональной связи вопросов антропологии памяти и изучения гендерных аспектов социального опыта. Вне гендерных коннотаций исследования памяти вряд ли могут носить достоверный характер, что очевидно как нейрофизиологам и психологам, так и историкам и этнологам.

Список литературы:

1. Шнирельман В.А. Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 12–34.
2. Ekman P. Telling lies: clues to deceit in the marketplace, politics, and marriage. N.Y.: W. W. Norton & Company, 1985.
3. Hassabis D., Maguire E. The construction system of the brain // Philosophical Transactions of the Royal Society B. Biological Sciences. 2009. Vol. 364, Issue 1521. <https://doi.org/10.1098/rstb.2008.0296>; <https://www.fil.ion.ucl.ac.uk/Maguire/> (дата обращения: 11.07.2019).
4. Hornstra M., Ivanova K. Kinkeeping Across Families: The Central Role of Mothers and Stepmothers in the Facilitation of Adult Intergenerational Ties // Sex Roles. 2023. Vol. 88. P. 367–382. <https://doi.org/10.1007/s11199-023-01352-2>
5. Rosenthal C.J. Kinkeeping in the familial division of labor // Journal of Marriage and Family. 1985. Vol. 47(4). P. 965–974. <https://doi.org/10.2307/352340>

⁴⁴ Дацкова Е. Записки 1743–1810 / Подгот. текста, ст. и comment. Г.Н. Моисеевой; Отв. ред. Ю.В. Стенник. Л., 1985. С. 207.

Об авторе:

БЕЛОВА Анна Валерьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет (Россия, 170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31), e-mail: Belova.AV@tversu.ru

Women's Family Memory as a Subject of Social Anthropology of Everyday Life

A.V. Belova

Tver State University, Tver, Russia

The article is devoted to the problem of women's family memory as a subject of research in the social anthropology of everyday life. The main attention is paid to the identifying the contribution of women's family memory to kinkeeping in noble families in the 19th century. The author specifies the concepts of women's autobiographical, family and social memory, the traditional characteristics of women's noble everyday life, the significance of sources on the history of women's family memory. The article discusses the relationship between the practices of memorization and social experience of women, memory and oblivion in women's autobiographical narrative and the representation of noble everyday life in women's family memory. The author clarifies the possibilities of ethnological study of women's family memory, the prospects of its conceptualization for research in the social anthropology of women's everyday life. The author concludes about the functional connection between the issues of the anthropology of memory and the study of the gender aspects of social experience.

Keywords: *women's family memory, family memory studies, kinkeeping, women's social memory, women's autobiographical memory, gender features of memory, women's history, social anthropology, women's everyday life.*

About author:

BELOVA Anna Valeryevna – Doctor of History, Professor, Head of the Department of General History, Tver State University (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31), e-mail: Belova.AV@tversu.ru

References

Shnirel'man V.A. 2018. Sotsial'naia pamiat': voprosy teorii [Social memory: theory questions]. In *Istoricheskaya pamyat' i rossiiskaya identichnost'*, edited by V.A. Tishkov, E.A. Pivneva, 12–34. Moscow: Rossijskaya akademiya nauk.

Статья поступила в редакцию 01.08.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г